



М. Н. Столяровъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ

въ Дерптѣ.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 29 апрѣля 1899 года.



Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.



М. Н. Столяровъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ

въ Дерптѣ.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 29 апрѣля 1899 года.



Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.



Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. II.

Est. A



21836



Старый Дерптъ играетъ нѣкоторую роль не только въ исторіи русской науки, благодаря своему университету и профессорскому институту, но и въ исторіи русской литературы. Еще въ допетровскій періодъ русской исторіи мы встрѣчаемъ въ Дерптѣ русскихъ писателей, попавшихъ туда или проѣздомъ, какъ, на примѣръ, суздальскій іеромонахъ Симеонъ, спутникъ митрополита Исидора, или вслѣдствіе войнъ за Ливонію, какъ это было, на примѣръ, въ XVI в. съ княземъ Курбскимъ, который былъ намѣстникомъ Юрьева наканунѣ своего бѣгства въ Литву, а въ XVII в. съ подьячимъ посольскаго приказа Котошихинымъ, съ которымъ въ Юрьевѣ случилось непріятное происшествіе: за пропускъ въ царскомъ титулѣ слова „государь“ авторъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ былъ наказанъ батогами.

Послѣ присоединенія къ Россіи Дерптъ сдѣлался промежуточной станціей на сухопутномъ пути изъ Петербурга за границу. Въ числѣ многочисленныхъ путешественниковъ проѣзжали черезъ Дерптъ и русскіе писатели. Благодаря этому обстоятельству старый Дерптъ попалъ на страницы „Писемъ русскаго путешественника“ Карамзина. Въ XIX в., не считая русскихъ ученыхъ, бывшихъ студентами или профессорами Дерптскаго университета, можно насчитать цѣлыя



десятки болѣе или менѣе извѣстныхъ представителей русской изящной словесности, бывшихъ въ Дерптѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

Одни изъ этихъ писателей были профессорами русской словесности, какъ Воейковъ, авторъ „Сумасшедшаго дома“; другіе студентами, какъ, на примѣръ, Языковъ, Даль, графъ Соллогубъ, Боборыкинъ и другіе; третьи пріѣзжали туда въ гости или останавливались проездомъ, какъ Баратынскій, Дмитріевъ, Фетъ; четвертыхъ привозили въ Дерптъ для леченія, какъ Батюшкова; пятые являлись туда для собиранія матеріаловъ для своихъ произведеній, какъ Лажечниковъ, и т. д. Особенно важное значеніе имѣетъ Дерптъ въ біографіяхъ Жуковскаго и Языкова. Относительно Жуковскаго достаточно сказать, что въ Дерптѣ разыгрался послѣдній актъ его сердечной драмы: туда вышла замужъ за профессора Мойера и тамъ умерла племянница В. А., Марья Андреевна Протасова. Не менѣе, если не болѣе, важную роль сыгралъ Дерптъ и въ жизни Языкова.

Сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, Н. М. Языковъ явился въ Дерптъ въ концѣ 1822 года послѣ несовсѣмъ удачнаго пребыванія въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ не ладилъ съ „музой математики“. Пріѣхавъ Языковъ въ Дерптъ для продолженія своего образованія отчасти по рекомендаціи Воейкова, отчасти вслѣдствіе тяготѣнія къ „академической свободѣ“ „Ливонскихъ Аевинъ“.

Нужно замѣтить, что въ противоположность русскимъ университетамъ, обезличеннымъ обскурантами въ родѣ Магницкаго и Рунича, Дерптскій университетъ въ то время начиналъ цвѣтушій періодъ своего существованія и славился замѣчательными учеными, каковы, на примѣръ, братья Эверсы, историкъ и теологъ, хирургъ Мойеръ — учитель Пирогова, ботаникъ Ледебуръ, астрономъ Струве, юристъ Клоссіусъ, физиологъ Эрдманъ и др. Наука въ то время въ Дерптскомъ университетѣ была на первомъ планѣ. Политическіе вопросы германизациі и руссификаціи еще не были рѣзко выдвинуты



жизнью, вслѣдствіе этого и національная вражда русскихъ и нѣмцевъ не давала себя чувствовать такъ сильно, какъ впоследствии. Профессора тогдашняго университета не только не относились къ Россіи съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое впоследствии позволило профессору русской исторіи Ширрену назвать наше отечество страной безъ исторіи и безъ будущности, — но, напротивъ, посвятили не мало труда и силъ изученію русскихъ древностей. „Хвала вашему дерптскому ученымъ, — писалъ митрополитъ Евгеній Перевощикову въ 1825 г., — что иные изъ нихъ толкуютъ намъ о черниговской гривнѣ, иные о древнемъ русскомъ правѣ, иные о казанскихъ пустошахъ, а иные готовятся еще искать ихъ на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ“. ¹⁾ Нужно принять во вниманіе, что изслѣдованія такого рода представляли для ученыхъ нѣмцевъ громадныя затрудненія вслѣдствіе незнанія ими русскаго языка, но и эту трудность дерптскіе профессора того времени старались преодолѣть по мѣрѣ силъ и возможности. Даже физиологъ Эрдманъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, „хорошо выучился нашему русскому языку“, а относительно профессора Неймана существуетъ указаніе, что онъ „въ самое короткое время прекрасно изучилъ русскій языкъ“ и объяснялъ на немъ „Русскую Правду“. ²⁾

Старый Дерптскій университетъ со своими замѣчательными учеными могъ оказать только самое благотворное вліяніе на даровитаго юношу, явившагося на берега Эмбаха для окончанія своего образованія. Къ сожалѣнію, студенческая среда стараго Дерпта вовсе не представляла условій, благоприятныхъ для мирнаго занятія науками. Заимствовавши у нѣмецкихъ университетовъ корпоративное устройство, дерптскіе студенты остались почти незатронутыми тѣмъ движеніемъ, которое охватило нѣмецкое юношество во время реакціи, вызванной священнымъ союзомъ. Въ политическомъ отношеніи

1) „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. XII, с. 444.
2) „Русскій Архивъ“ за 1867 г., с. 726.



дерптскіе студенты были самый спокойный народъ, и въ послѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ ставилъ ихъ примѣромъ для русскаго юношества, восхищаясь тѣмъ, что нѣмецкая молодежь „даже не заглядываетъ въ газеты“. Но уклонившись отъ политическаго движенія своей эпохи, дерптскіе студенты, къ сожалѣнію, не прилѣпились въ надлежащей мѣрѣ къ наукѣ и далеко не отличались примѣрнымъ поведеніемъ въ частной жизни.

Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ старомъ Дерптѣ существовали четыре корпораціи изъ уроженцевъ Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи и Риги, выработавшія общій студенческой уставъ, который опредѣлялъ всѣ отношенія между отдѣльными студентами и установилъ основныя правила приличія и чести. По мнѣнію такого авторитета въ вопросахъ университетскаго воспитанія, какъ знаменитый Пироговъ, прожившій въ Юрьевѣ около десяти лѣтъ, студенческія корпораціи съ ихъ судомъ чести и даже дуэлями приносили нѣкоторую пользу. „Ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, — говоритъ знаменитый хирургъ и педагогъ, — взаимныя отношенія между студентами не достигли такого благочинія, такой вѣжливости, какъ между студентами въ Дерптѣ. О дракахъ, заушеніяхъ, площадной брани и ругательствахъ между ними не можетъ быть и рѣчи“. ¹⁾ Но судъ чести и дуэли дѣйствовали облагораживающимъ образомъ только на взаимныя отношенія студентовъ; что же касается мирныхъ бюргеровъ, то, по свидѣтельству того же Пирогова, студенты, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ городѣ, положительно иногда „терроризировали общество“ разными выходками и продѣлками, наполняющими „лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ“. ²⁾ Если къ этимъ „шалостямъ“ прибавить студенческіе „кнейпы“ и „коммерши“, гдѣ вино и пиво лились рѣкою, то мы получимъ надлежащее

1) Сочиненія Пирогова, I, 347.

2) См. эту „лѣтопись“ въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., № 2.



знакомство съ неблагопріятнымъ вліяніемъ нѣмецкаго юношества на представителей того народа, для котораго искони было „веселіе пити“.

Для нѣмецкихъ студентовъ разгульная жизнь не приносила особенно замѣтнаго вреда: они, по словамъ Пирогова, „кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру“. Къ русскимъ же юношамъ, заброшеннымъ въ Дерптъ, приходилось примѣнять извѣстную русскую поговорку наоборотъ: „что нѣмцу здорово, то русскому смерть“. „За исключеніемъ, — говоритъ Пироговъ, — насъ (питомцевъ профессорскаго института), присланныхъ въ Дерптъ уже по окончаніи курса въ русскихъ университетахъ, и двухъ или трехъ другихъ русскихъ, всѣмъ прочимъ пребываніе въ Дерптѣ не пошло въ прокъ. Карамзины и Соллогубъ¹⁾ едва-ли вынесли что-нибудь изъ дерптской научной жизни, кромѣ знакомства съ разными студенческими обычаями; другіе, какъ, на примѣръ, Языковъ, воспитанники изъ учрежденій императрицы Маріи и пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга полу-русскіе и полу-нѣмцы, просто спивались съ кругу и уѣзжали черезъ нѣсколько лѣтъ въ весьма плохомъ видѣ“. ²⁾

Пріѣхавши въ Дерптъ, Языковъ, по совѣту того же Воейкова, съ цѣлью надлежащаго усвоенія нѣмецкаго языка, этого, по его выраженію, „истиннаго алмазнаго ключа къ всему прекрасному и высокому“, поселился въ домѣ дерптскаго литератора и лектора русскаго языка, фонъ-деръ-Борга, который между прочимъ переводилъ на нѣмецкій языкъ произведенія нашихъ поэтовъ. Кромѣ фонъ-деръ-Борга, Язы-

1) Сыновья исторіографа и авторъ „Тарантаса“.

2) Соч. Пирогова, I, 346.



ковъ сблизился и съ профессоромъ русской словесности Перовошиковымъ, подь вліяніемъ котораго совершилось эстетическое развитіе молодого поэта. Въ Дерптѣ Языковъ познакомился съ классическою нѣмецкою литературой, прочелъ Лессинга, Шиллера и Гете и съ высоты ихъ твореній строго судилъ о молодой русской поэзіи и ея представителей, не исключая и Пушкина. „Какъ мало наше великое, ничтожно — значительное и низко — возвышенное, если взглянуть на него, зная Гете и Шиллера“, писалъ онъ брату въ концѣ 1825 года. Предисловіе къ „Бахчисарайскому фонтану“ Языковъ находилъ „глупымъ“, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ ему не нравились „отсутствіе вдохновенія“ и „риемованная проза“. ¹⁾

Но серьезныя занятія нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой не спасли Языкова отъ дурного вліянія дерптской студенческой атмосферы. Хотя онъ не былъ членомъ ни одной корпораціи и все время числился въ разрядѣ такъ называемыхъ „дикихъ“, однако-жъ разгульная жизнь нѣмецкой молодежи увлекла его широкую русскую натуру, и молодой поэтъ сдѣлался не только участникомъ, но и пѣвцомъ студенческихъ кутежей.

Правда, сначала Языковъ отнесся къ дерптскому студенчеству отрицательно и думалъ даже уѣхать изъ Дерпта за границу. „Вотъ мой планъ: — писалъ онъ брату — когда укрѣплюсь въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то рѣшительно оставлю Дерптъ — и поѣдемъ въ чужеземію: здѣсь студенты живутъ очень весело, занимаются больше танцами и фантами, и часто звонъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи“. ²⁾

1) Впослѣдствіи Языковъ измѣнилъ свой взглядъ на Пушкина.

2) Переписка Языкова до сихъ поръ не опубликована вполнѣ. Письма къ А. Н. Вульфу частью приведены въ статьяхъ покойнаго Семеновскаго: „Прогулка въ Тригорское“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г.) и „Н. М. Языковъ“ („Русскій Архивъ“ 1867 г.). Письма Языкова къ роднымъ были собраны покойнымъ Садовниковымъ, который собирался приступить къ изданію переписки поэта. Выдержки изъ этихъ писемъ приведены въ статьѣ Садовникова: „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ“



Но скоро отношеніе Языкова къ веселой жизни дерптской молодежи измѣнилось кореннымъ образомъ. Уже въ 1823 г. поэту надобно жить въ чинномъ нѣмецкомъ семействѣ Борга, хотя тамъ относились къ нему, какъ къ родному, — и Языковъ переселился на отдѣльную квартиру. Изъ стихотворенія „Мое уединеніе“ мы узнаемъ, что Языковъ, сынъ богатаго помѣщика, занималъ квартиру, ничѣмъ существеннымъ не отличающуюся отъ тогдашнихъ и современныхъ студенческихъ жилищъ. Убѣжищемъ своей музы онъ выбралъ „простую хату въ пустынномъ чердакѣ“, куда вела темная, крутая и „завитая улиткой“ лѣстница безъ перилъ. Внутреннее убранство квартиры Языкова также отличалось студенческой простотой.

Умѣренность благая —
говоритъ онъ въ томъ же стихотвореніи —

Пріютъ мой убрала
Здѣсь роскошь выписная
Приема не нашла,
Завѣсою богатой
Не занавѣшенъ свѣтъ;
Поль шаткій и покатой
Коврами не одѣтъ;
Ни бронзы драгоцѣнной,
Ни зеркаль, ни картинъ:
Все бѣдно и смиренно,
Какъ сирый фебовъ сынъ.

Прозанческое описаніе квартиры Языкова вполне согласуется съ художественнымъ. „Комната моя очень малая и въ полномъ смыслѣ на чердакѣ. . . а лѣстница совсѣмъ

(„Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь), въ статьѣ В. И. Шенрока: „Гоголь и Языковъ“ („Русская Старина“ 1889 г., январь, и „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III) и въ біографическомъ очеркѣ В. И. Шенрока: „Н. М. Языковъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь и декабрь). Цѣликомъ напечатаны только письма Языкова къ Гоголю („Русская Старина“ 1896 г., декабрь).



питическая: узка и крючковата, какъ дорога къ Парнаассу. . . заглядѣться некуда: окно на дворъ, заставленный дровами; загуляться по комнатамъ тоже невозможно, ибо надобно было бы поворачиваться послѣ каждаго двухъ шаговъ“.

На отдельной квартирѣ Языкова стали посѣщать товарищи сначала для совмѣстныхъ занятій, а потомъ и для жертвоприношеній Бахусу. Скоро Языковъ настолько втянулся въ новый родъ жизни, что веселое и разгульное времяпровожденіе учащейся молодежи сначала перестало его шокировать, а скоро потомъ привело его къ идеализации дерптскаго студента, для котораго вино не составляло существенной помѣхи къ образованію.

Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.
Проснувшись вмѣстѣ съ цѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта;
Но день прошелъ — и вечеромъ
Онъ за вино отъ фоліанта.

Языковъ считалъ такое времяпровожденіе достойнымъ подражанія и одному изъ своихъ друзей писалъ:

Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ;
Мы разсуждаемъ ежедневно
Объ идеальномъ и благомъ.

Какъ и гдѣ разсуждала молодежь „объ идеальномъ и благомъ“, Языковъ почти не говоритъ; что же касается „поэтическаго пьянства“, то оно описано самымъ подробнымъ образомъ.

Пѣсни были неизбѣжною принадлежностью студенческихъ пирушекъ, и если въ дѣлѣ служенія Бахусу Языковъ только подражалъ товарищамъ, то, какъ поэтъ, онъ занялъ первое мѣсто среди своихъ собутыльниковъ. Его пѣсни распѣвались русскими и нѣмецкими студентами во время ихъ совмѣ-

стных кутежей, отголоскомъ которыхъ служить слѣдующая строфа одной изъ пѣсенъ Языкова :

Благодѣтельною силой

Съ нами нѣмцевъ подружило

Откровенное вино ;

Шумно, пламенно и мило

Мы гуляемъ заодно.

Не отставалъ Языковъ отъ своихъ друзей и въ дѣлѣ служенія красотѣ. Первой вдохновительницей музыки Языкова была вторая племянница Жуковского, Александра Андреевна Протасова, бывшая замужемъ за Воейковымъ. Знаменитая своей красотой и несчастнымъ замужествомъ, Воейкова была кумиромъ Языкова во все время его пребыванія въ Дерптѣ. Она часто прѣзжала въ этотъ городъ, подолгу жила тамъ въ домѣ своего зятя Мойера, и Языковъ, скромный и застѣнчивый до смѣшного въ ея присутствіи, написалъ въ честь этой замужней женщины, пожалуй, болѣе стихотвореній, чѣмъ въ честь другихъ женщинъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Она меня очаровала —
говоритъ Языковъ въ одной элегіи —

Я въ ней нашелъ всѣ красоты,

Всѣ совершенства идеала

Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю

У небожителей просилъ,

И миръ души, и сердца волю,

Какъ драгоценности, хранилъ.

Любви чарующая сила,

Какъ искра Зевсова огня,

Всего меня воспламенила,

Всего проникнула меня.

Пускай не мнѣ ея награды :

Она мой рай, моя звѣзда

Въ часы вакхической отрады,

Въ часы покоя и труда.

Я безкорыстно повинуюсь
Порывамъ страсти молодой,
И восхищаюсь, и люблюсь
Непобѣдимую красой.

Но Воейкова оставалась вполне равнодушна къ обожанію Языкова; она оказывала ему вниманія настолько, насколько это было нужно для того, чтобы получать отъ поэта новыя стихотворенія и передавать ихъ своему мужу для его журналовъ. Около половины 1825 г. Языковъ понялъ тактику несчастной красавицы и вотъ какъ писалъ объ этомъ открытіи своему брату: „Теперь я вижу и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлью только вытащить, у меня стиховъ! Она успѣла, к! — впрочемъ, надѣюсь, въ послѣдній разъ; мнѣ жаль только времени нѣсколькихъ вечеровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала альбомъ съ новыми стихами и затѣмъ снова ко мнѣ его присылала! . . . Мнѣ на нее даже досадно: она могла заставить меня произвести что-нибудь истинно-поэтическое — и не умѣла или не хотѣла, окаянная!“ Но къ долгой злобѣ добродушная натура Языкова была неспособна. Онъ отомстилъ своему кумиру тѣмъ, что написалъ въ альбомъ Дириной, другой русской красавицы, вышедшей впоследствии замужъ за профессора Рейца, „клятвенное обѣщаніе“ повиноваться ей одной во всемъ и за нее одну лить свою кровь „во всякій день, во всякій часъ“. Вслѣдъ же за этимъ „клятвеннымъ обѣщаніемъ“ онъ писалъ Воейковой:

Забуду-ль васъ когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь,
И сердце биться научили?

И, дѣйствительно, Языковъ долго помнилъ о Воейковой и до самой ея смерти часто вспоминалъ о ней, придавая ей самыя нѣжные эпитеты, признавая за ней самое благотворное



вліяніе. Незадолго до смерти А. А., Языковъ звалъ ее въ Москву и между прочимъ писалъ:

Клянусь моими божествами,
Я непритворно васъ зову!
Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ — любимецъ музы!
Я только трубадуръ безъ васъ!

Въ этомъ служеніи вину, пѣснѣ и красотѣ прогорѣла вся жизнь Языкова во время его шестилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ. Казалось, что сынъ русскаго помѣщика окончательно превратился въ нѣмецкаго бурша; казалось, что дерптскіе нѣмцы не ошибались, думая, что Языкову суждено быть пѣвцомъ второй родины. И дѣйствительно, молодой поэтъ не только воспѣвалъ „нѣмецкіе досуги“ и „хмѣль ученой головы“, но вдохновлялся также и прибалтійской стариной. Не вѣря въ возрожденіе Ливоніи временъ рыцарства, Языковъ однако-жь считалъ прошлое страны вполне достойнымъ „для музы пѣснопѣнія, для гордости поэтава чела“ и оставилъ намъ нѣсколько отрывковъ задуманныхъ имъ большихъ произведеній, въ которыхъ мѣстомъ дѣйствія является Ливонія, а дѣйствующими лицами — предки прибалтійскихъ нѣмцевъ. Такъ въ отрывкѣ „Ала“ Языковъ хотѣлъ изобразить вспышку стариннаго рыцарскаго духа во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII. Въ пьесѣ „Меченосецъ Аранъ“ нашъ поэтъ пытался обрисовать ту кровавую эпоху, когда меченосцы огнемъ и мечемъ распространяли религію мира и любви. Вдохновляли Языкова и остатки былого величія Ливоніи, ея

грандіозные памятники и руины, гдѣ онъ любилъ мечтать „про гордыхъ витязей свободы и войны.“

Нѣмцы въ свою очередь не оставались въ долгу передъ русскимъ поэтомъ: студенты распѣвали его пѣсни, а литераторы переводили ихъ на нѣмецкій языкъ и печатали самые сочувственные отзывы о его стихотвореніяхъ. Впослѣдствіи, когда Бѣлинскій и даже Сенковскій осмѣивали „огненного поэта“ за пустоту содержанія и вычурность стиля, въ нѣмецкихъ журналахъ писали, что „Языковъ впервые открылъ всю прелесть и силу русскаго языка и, какъ лирическій поэтъ, едва ли имѣетъ себѣ подобнаго въ какой-либо другой литературѣ.“

Покинувши старый Дерптъ въ 1829 году, Языковъ долго хранилъ отрадныя воспоминанія о своей студенческой жизни. Еще въ 1824 году онъ писалъ: „Я не забуду никогда мои студенческіе годы, раздолье Вакха и свободы и благодатнаго труда.“ Поэтъ долго помнилъ „почтенный градъ профессоровъ и скуки“, долго хранилъ „фуражку удалую съ своей студентской головы“ и при всякомъ удобномъ случаѣ пилъ „за Дерптъ и музъ и наслажденія свободныя, кипѣвшія виномъ“. Десять лѣтъ спустя по отъѣздѣ изъ Юрьева, будучи уже за границую, больной поэтъ вспоминалъ, какъ онъ праздновалъ студентомъ день своихъ именинъ („ужъ мы пили, ужъ мы пѣли!“) и приглашалъ графа Соллогуба помянуть „безподобное дерптское житье и прошлыя лирическія лѣта“.

Годы пребыванія Языкова въ Дерптъ были самымъ счастливымъ временемъ его жизни еще и въ томъ отношеніи, что благодаря своимъ студенческимъ стихотвореніямъ онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ тогдашнихъ русскихъ писателей. Альманахъ безъ стиховъ Языкова считался неудавшимся; нѣкоторые современники ставили его даже выше Пушкина. Самъ Пушкинъ считалъ Языкова достойнымъ своимъ соперникомъ и послѣ полученія стихотворенія „Тригорское“ писалъ князю Вяземскому: „Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидо-



вать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ.“

Но не одни отрадные воспоминанія сохранились въ душѣ Языкова о „безподобномъ житиѣ“. Какъ ни весело и беззаботно текла его студенческая жизнь, въ ней было не мало фактовъ, часто заставлявшихъ поэта настраивать свою лиру на минорный ладъ. Средства, присылаемые изъ родительскаго дома, уходили на кутежи, и поэту часто приходилось сидѣть безъ денегъ или же входить въ долги. Не мало написано Языковымъ элегій и подъ влияніемъ сердечныхъ ранъ, нанесенныхъ дерптскими красавицами. Но всѣ эти непріятности, въ свое время забытыя, блѣднѣли передъ сознаніемъ бесплодно потраченной въ товарищескихъ попойкахъ молодости. Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ не успѣлъ приготовиться къ университетскому экзамену. Нѣсколько разъ принимался онъ за книги и учебники, по „занятія сухія, скучныя и прозаическія“ скоро надѣдали лѣнивому отъ природы поэту, и онъ спѣшилъ „къ вину отъ фоліанта“ или же въ стихахъ и прозѣ бичевалъ свою неспособность къ усидчивому труду. „Мое приготовленіе къ экзамену началось стихами“, „мое приготовленіе къ экзамену идетъ очень плохо“ — таковы признанія самого Языкова въ письмахъ къ Вульффу. „На меня нашла теперь — писалъ онъ роднымъ — сильная, но, къ несчастью, неотвратимая тоска: читаю такую сушь, учу даже наизусть, — что голова вянетъ: вообще науки, въ которыхъ меня пытать стануть, не мой околотокъ и вовсе не привлекательны юношѣ парнасскому“. А вотъ выдержки изъ его поэтическихъ посланій къ П. А. Осиповой относительно тѣхъ же экзаменовъ:

Мнѣ жизнь горька и холодна:

Съ утра до вечера я занятъ

Мірскимъ и тягостнымъ трудомъ.

Скучаю горько, и едва ли

Къ порѣ, ко времени пройдутъ

Мои учебныя печали

И прозаическій мой трудъ.

„Все въ руцѣ Божіей... Что будетъ — будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ.“ Такъ утѣшалъ себя „другъ природы и лѣни“ до тѣхъ поръ, пока ему пришлось покинуть Дерптъ „бездипломнымъ студентомъ“.

Сознаніе бесполезной растраты времени отравило послѣдніе годы пребыванія Языкова въ „Ливонскихъ Аѳинахъ“. Онъ понялъ также, что дерптская жизнь, односторонне развившая его поэтической талантъ, въ концѣ концовъ вредна даже и для дарованія поэта. Знакомство съ Пушкинымъ и проведенное вмѣстѣ съ нимъ лѣто 1826 года показало Языкову воочию всю пустоту и безалаберность его студенческой жизни, и уже знаменитое стихотвореніе „Тригорское“ заканчивается страстнымъ желаніемъ „вдругъ и гордо позабыть свои потерянные годы“. Но „прозаическій трудъ“, какъ было упомянуто, оказался не по силамъ безопасному поэту, и въ его душѣ все сильнѣе и сильнѣе росло стремленіе покинуть „градъ профессоровъ и скуки“. „Дерптъ мнѣ такъ надоѣлъ, — писалъ Языковъ Вульффу, — что я бы бѣжалъ отсюда пѣшкомъ, если бы не стыдился оставить здѣсь мое прозваніе на позоръ заимодавцамъ.“

Студенческіе долги поэта составляли нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Происхожденіе такого громаднаго долга Языковъ объяснялъ брату слѣдующимъ образомъ. „Вотъ причина долговъ моихъ, такъ тебя удивившихъ: самое благонамѣренное и похвальное желаніе просвѣщенія внушило мнѣ, за полтора года передъ симъ, мысль пожить это время съ нѣмцемъ, и начало моего знакомства съ однимъ человѣкомъ сего рода совершенно удовлетворяло моему желанію. Съ полною возможностью его исполнить и съ пріятными надеждами взялъ я къ себѣ существо это съ условіемъ кормить, поить, освѣщать его и за уроки платить ему 1000 руб. въ годъ. По части учебной съ начала и до конца во всѣхъ смыслахъ все шло хорошо, и я радовался при мысли, что кромѣ пользы, мною приобрѣтенной отъ моего сожителства, я дѣлаю еще доброе дѣло, доставляя возможность жить порядочно человѣку,

въ этомъ нуждающемуся и этого достойному. Онъ укрѣплялся все болѣе и болѣе въ моей квартирѣ, становился постепенно безпечнѣе о самомъ себѣ и моихъ деньгахъ, рѣшительнѣе и самовольнѣе въ доставленіи симъ послѣднимъ бѣльшаго обращенія, возымѣлъ много пріятелей, у коихъ тоже много пріятелей, сталъ пользоваться знаменитостью моего имени у купцовъ и кончилъ тѣмъ, что я увидѣлъ совершенную необходимость съ нимъ разстаться и перемѣнить собственное житье-бытье.“ „Дѣла были уже такъ запутаны, — говоритъ г. Шенрокъ, — что Языковъ, почувствовалъ себя въ положеніи утопающаго. Его письма, всегда безпечныя и веселыя, становятся воплемъ самообличенія. Онъ уже не щадитъ себя, называетъ самъ себя безпутнымъ, сравниваетъ себя съ блуднымъ сыномъ и умоляетъ спасти его, дать ему возможность выбраться изъ Дерпта, бросить разгульную жизнь и честно расплатиться съ кредиторами, — намекаетъ даже на самоубійство. Ему страшно даже сказать настоящую цифру долга, ибо, уже послѣ многихъ уплатъ, онъ долженъ былъ объявить еще — 28000 долга!“

Измѣнить свою жизнь, спасти свой талантъ и посвятить его на служеніе другимъ божествамъ, болѣе высокимъ, чѣмъ дерптская троица: „Wein, Weib und Gesang,“ — таковы были мечты Языкова, высказанная имъ въ стихотвореніи „Отъѣздъ“.

Святого полный упованья,
Съ преобразившейся душой
Бѣгу надолго въ край родной,
Спасая Божьи дарованья.
Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой,
И гордо брошу мой лавровый
Виномъ обрызганный вѣнецъ!

На ряду съ пріятными воспоминаніями о бурной молодости въ душѣ Языкова навсегда осталось грустное сознаніе, что онъ „пестро и неправильно жилъ“ и всю молодость „пилъ да пѣлъ и долго пилъ.“



Чѣмъ старше становился Языковъ, тѣмъ все болѣе и болѣе минорный тонъ слышался въ его воспоминаніяхъ о старомъ Дерптѣ, особенно, когда стали сказываться результаты „безподобнаго дерптскаго житья“ въ разстройствѣ здоровья. „Всю немногосложную и очень небогатую фактами біографію этого талантливаго поэта, — говоритъ одинъ историкъ русской литературы — благодаря его пребыванію въ Дерптскомъ университетѣ, очень не трудно подраздѣлить на два періода: на молодость, длившуюся недолго, очень шумную и разгульную, и, въ то же время, очень бѣдную впечатлѣніями; и на довольно продолжительную, преждевременную старость, со всѣми ея тягостями, болѣзнями, страданіями, странствованіями на воды и бесплодными затратами силъ и времени на нескончаемыя лѣченія, которыми приходилось расплачиваться за безумія молодости“ (Полевой).

Покинувши старый Дерптъ, Языковъ не сразу измѣнилъ строй своей лиры. Онъ долго еще продолжалъ, по его собственному выраженію, „кипѣть пьяными мечтами“ и создавать произведенія вакхическаго и пріапическаго содержанія. Произведенія подобнаго рода доставили Языкову эпитеты „поэта радости и хмеля“, „поэта разгула и свободы“ и т. д.

Новѣйшій біографъ Языкова, г. Шенрокъ, недавно заявилъ, что характеристика нашего поэта исчерпывается этими выраженіями. Но обратившись къ ближайшему ознакомленію со стихотвореніями Языкова, не трудно замѣтитъ недостаточность и односторонность подобныхъ опредѣленій музы Языкова. Уже Бѣлинскій и вслѣдъ за нимъ Добролюбовъ, хотя и не безъ ироніи, называли Языкова славянофиломъ. И дѣйствительно, Языковъ былъ не только „славянофиломъ по родству“, какъ называлъ его Герценъ¹⁾, но и по своимъ убѣжденіямъ,

1) А. С. Хомяковъ былъ женатъ на сестрѣ Языкова.

насколько они намъ извѣстны изъ его стихотвореній и писемъ, а также изъ воспоминаній его друзей.

Прежде всего, подобно всѣмъ славянофиламъ, Языковъ былъ очень религіозный человекъ, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ его переложенія псалмовъ и такія стихотворенія, какъ „Землетрясеніе“, которое Жуковский считалъ лучшимъ лирическимъ произведеніемъ русской поэзіи, и „Молитва“, во многомъ по содержанію напоминающая знаменитую „Молитву“ Лермонтова: „Я, Матерь Божія“, хотя „Молитва“ Языкова написана голомъ раньше.

Подобно славянофиламъ, Языковъ относился съ особеннымъ благоговѣніемъ къ Москвѣ.

Я здѣсь! — Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!
Здѣсь наша матушка-Россія
Семисотлѣтняя жива!
Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда и Польша, и Литва,
Французы, лавръ и хмѣль народа,
Все, все! . . . Да здравствуетъ Москва!
Какими думами украшенъ
Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
Бойницъ, соборовъ и палатъ!
Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть! Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ!
О! проклять будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины!
Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дѣло пѣснопѣній,
Поэты наши! Для стиховъ
Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
Своенародныхъ вдохновеній! . . .

Подобно славянофиламъ, Языковъ былъ пламеннымъ патриотомъ. Ни шестилѣтнее пребываніе въ Дерптѣ, ни пятилѣтнія скитанія за границей для поправленія здоровья не ослабили его любви къ родной Россіи. „Чистая, кровная словенская порода его, — говоритъ князь П. А. Вяземскій, — не могла ужиться въ нѣметчинѣ. Онъ въ Германіи окруженъ былъ русскими книгами, жилъ русскою жизнью, которую носилъ въ груди своей, въ чувствахъ и помышленіяхъ. . . Языковъ былъ влюбленъ въ Россію“. ¹⁾ Его увлекла было Италия, но и „картины сладостнаго юга“, и Тибръ, и Римъ, и Колизей, онъ радъ былъ промѣнять на родныя равнины и уѣхать туда, гдѣ „завываетъ вьюга, стучитъ морозъ“.

Не менѣе сильную любовь питалъ Языковъ и къ простому русскому народу, на который онъ опять таки смотрѣлъ глазами славянофиловъ. По свидѣтельству Погодина, „характеръ русскаго народа уважалъ онъ больше всего; русскій умъ во всѣхъ его проявленіяхъ, русскій толкъ, превосходство передъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — составляли его единственную гордость. Ничѣмъ нельзя было принести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ разказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажмуривалъ глаза, хохоталъ и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобы дали ему отдохнуть“ ²⁾. Любовь эта отразилась и на творчествѣ Языкова: онъ передавалъ въ стихахъ народныя преданія, сказки и даже анекдоты.

Славянофильскими тенденціями окрасилось отношеніе Языкова и къ родной старинѣ. Въ одномъ стихотвореніи онъ заявляетъ о своей любви къ „долефортовской Руси“, отрицая такимъ образомъ реформу Петра Великаго. Въ стихотвореніи на открытіе памятника Карамзину Языковъ прославляетъ историографа за то, что

1) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, II, 309.

2) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, с. 501—502.



Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
Краснорѣчиво учить онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы
Могучихъ пращуровъ своихъ!

Въ стихотвореніи, посвященномъ Шевыреву по поводу его публичныхъ лекцій о древней русской литературѣ, поэтъ писалъ:

Тебѣ хвала и честь и слава!
Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь — и величава,
И православна, какъ была:
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,
Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна.

Рядомъ съ любовью ко всему чисто-русскому ¹⁾, какъ его понимали славянофилы, въ душѣ Языкова все сильнѣе и сильнѣе росло нерасположеніе къ нѣмцамъ. Ни воспоминанія о веселой молодости, проведенной въ обществѣ нѣмецкихъ студентовъ, ни пятилѣтнее пребываніе на германскихъ курортахъ не предохранили Языкова отъ того германофобства, которымъ были пропитаны его друзья ²⁾. Въ Германіи его томила

1) Языковъ между прочимъ отличался чисто-русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ: даже умирая, онъ не позабылъ составить меню поминальнаго обѣда для своихъ друзей.

2) По мнѣнію И. В. Кирѣвскаго, „на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе нѣмцевъ“. Гоголь, по собственному признанію, личнаго нерасположенія къ нѣмцамъ не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, Германію называлъ „самой неблаговоной отрыжкой гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива,“ а ея жителямъ приписывалъ „тупоуміе и глупость, превосходящія всякія мѣры“.

„скука и тоска среди чужого языка“, хотя языкъ Шиллера и Гете былъ для него вовсе не чужой; онъ благословлялъ возвращеніе Гоголя „изъ этой нехристи нѣмецкой на Русь, къ святынь Москворѣцкой“; ему даже доставляло удовольствіе видѣть, какъ нѣмцы падали отъ непривычной ходьбы по льду. Свою нелюбовь къ нѣмцамъ Языковъ перенесъ не только на нѣмецкій столъ, „безчеловѣчно безвкусный“, но даже и на нѣмецкую природу, не исключая красотъ Рейна, гдѣ для широкой русской природы все было „мало, безвкусно, пошло, дико, тринь-трава“. Въ своихъ заграничныхъ письмахъ Языковъ былъ еще безпопаднѣе къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому, чѣмъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Онъ „неистово бранилъ нѣмцевъ и все нѣмецкое“, говоритъ г. Шенрокъ. Онъ находилъ, что всѣ времена года въ Германіи не стоятъ русской осени; нѣмецкій вѣтеръ, по его словамъ, подобенъ кошачьему завыванію и т. д.

Сквозь очки славянофильства смотрѣлъ Языковъ и на своихъ современниковъ и на явленія тогдашней литературной и общественной жизни. Онъ заявлялъ себя „нещаднымъ врагомъ“ тѣхъ русскихъ людей, которые „подъ вѣтротлѣнныя знамена заморской нехристи ушли“, а также и тѣхъ, которые „болтаютъ другимъ, не-русскимъ языкомъ.“

Особенное нерасположеніе чувствовалъ Языковъ къ противникамъ своихъ друзей, къ западникамъ. Это нерасположеніе особенно рѣзко обнаружилось въ тѣхъ до крайности рѣзкихъ и неприличныхъ нападкахъ, съ которыми Языковъ обрушился на литературныхъ враговъ Шевырева.

Твои враги... они чужбинѣ
Отцами проданы съ пленень:
Русь негодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безответна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
И совѣсть ихъ прокажена.



Это было написано въ 1844 году, вскорѣ послѣ того, какъ славянофилы и западники дружески лобызались на обѣдѣ въ честь Грановскаго. Можно было думать, что Языковъ, бичуя враговъ Шевырева, имѣлъ въ виду главнаго изъ нихъ, т. е. Бѣлинскаго. Но уже въ концѣ 1844 года всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были исчезнуть. Большой поэтъ пустилъ по рукамъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ обрушился на главнѣйшихъ представителей ненавистнаго ему направленія въ такихъ прозрачныхъ выраженіяхъ, что ни для кого не осталось тайной, по чѣму именно адресу были направлены эти крайне неприличныя обвиненія.

Свою ненависть къ западникамъ Языковъ прежде всего излилъ на Чаадаева, котораго онъ упрекалъ въ отчужденіи отъ Россіи и въ приверженности къ католицизму:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызашь туфлю папъ и т. д.

Нападениемъ на „красиваго идола строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ“ Языковъ не ограничился; онъ не пощадилъ благороднаго Грановскаго, назвавъ его „сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей-челвѣждъ, легкомысленнымъ сподвижникомъ безпутныхъ мыслей и надеждъ.“ Досталось также и Герцену. Умирающій поэтъ не ограничился нападениемъ на главныхъ вождей противной партіи; противъ всѣхъ западниковъ поголовно онъ направилъ слѣдующія строфы своего знаменитаго посланія „Къ не-нашимъ“:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ — не русскій вы народъ!
Не лобо вамъ святое дѣло



И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство.
Вамъ наши лучшія преданья
Смѣшно, бессмысленно звучать,
Могучихъ пращъдовъ дѣянья
Вамъ ничего не говорятъ.
Ихъ презираетъ гордость ваша.
Святыня древняго Кремля,
Богатство, сила, крѣпость наша —
Ничто вамъ! Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
Вы страшны ей: вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны.
Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить
И не умѣете вы съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить.
Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ,
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!

Эти стихи, появившіеся въ печати только въ 1871 году, ¹⁾ быстро разошлись во множествѣ списковъ и сдѣлались извѣстны и друзьямъ и врагамъ Языкова. Крайнее неприличіе приведенныхъ обвиненій и явно пристрастное отношеніе къ противникамъ произвели неблагоприятное впечатлѣніе даже на друзей Языкова. Правда, Гоголь писалъ ему: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи „Къ не-нашимъ“. Душа твоя была органъ, а бряцали на немъ другіе персты. Они еще лучше самаго „Землетрясенія“ и сильнѣй всего, что

1) См. біографію Чаадаева, составленную Жихаревымъ и напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1871 г., сентябрь.

у насъ было написано доселѣ на Руси“. Но черезъ нѣсколько времени въ другомъ письмѣ и Гоголь нашелъ нужнымъ остановить озлобленнаго поэта и посовѣтовать ему, чтобы онъ не увлекался гнѣвомъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ западниковъ „въ существѣ своемъ люди добрые“ и „нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ.“¹⁾ Такой ярый славянофилъ, какъ Константинъ Аксаковъ, по свидѣтельству Панаева, „съ негодованіемъ протестовалъ противъ стихотворной выходки болѣзненнаго поэта, пережившаго свой талантъ.“²⁾ А извѣстная московская поэтесса Каролина Павлова, которой Языковъ посвятилъ не одно стихотворное посланіе, пустила по рукамъ свое стихотвореніе, наполненное горячими укорами по адресу не въ мѣру увлекающагося поэта.

Во мнѣ нѣтъ чувства кромѣ горя,
Когда знакомый гласъ пѣвца
Слѣшимъ страстямъ безбожно вторя,
Вливаешь ненависть въ сердца.
И я глубоко негодую,
Что тотъ, чья пѣснь была чиста,
На площадь музу шлетъ святую,
Вложивъ руганья ей въ уста.
Мнѣ тяжело знать и безотраднo,
Какъ дышитъ страстной онъ враждой,
Чужую мысль карая жадно
И роясь въ совѣсти чужой.

Если посланіемъ „Къ не-нашимъ“ были возмущены даже нѣкоторые друзья поэта, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело оно на западниковъ, обвиненныхъ въ измѣнѣ отечеству. По свидѣтельству Жихарева, „одинъ изъ самыхъ благородныхъ представителей „западнаго“ направленія (по всей вѣроятности, Грановскій) говорилъ публично, кому

1) Письма Гоголя, т. VI, с. 166, 179.

2) Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“, с. 275.



угодно было слушать, что „писать подобнаго рода стихи, швырять изъ-подъ покровительства спинной чахотки (сухотки?) въ честныхъ людей камнями, на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ государствахъ, кто бы того ни дѣлалъ, зовется подлостью.“ „Энергическій Герценъ, — по свидѣтельству того же современника, — объявилъ, что бездоказательное обвиненіе людей въ измѣнѣ отечеству есть оскорбленіе чести, и что извѣстно, какъ разрѣшаются обиды этого рода.“ Что дѣйствительно поднимался вопросъ о вызовѣ поэта на дуэль, подтверждается слѣдующими словами самого Языкова въ письмѣ къ Гоголю: „Нѣкіе мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня разсердились, что дѣло дошло бы дескать, до дуэли, если бы сочинитель этихъ стиховъ не былъ боленъ.“¹⁾ Вызова Языкову не было сдѣлано, но объясненія по поводу его памфлетовъ едва не поставили на барьеръ Грановскаго и Петра Кирѣевскаго.

Я позволилъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на посланіяхъ Языкова, направленныхъ противъ тогдашнихъ западниковъ, потому что эти посланія сыграли важную роль въ умственной жизни русскаго общества сороковыхъ годовъ. Посланіе „Къ не-нашимъ“ гораздо болѣе, чѣмъ антиславянофильскія статьи Бѣлинскаго содѣйствовали окончательному разрыву между славянофилами и западниками.

Является интересный вопросъ: что заставило выступить съ такими неприличными обвиненіями — большого поэта, который въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній заявилъ, что только тому доступны „Сіонски высоты“, кто

Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ?

Герценъ объяснялъ стихотвореніе „Къ не-нашимъ“ — „славянофильскими наущеніями Хомякова.“ Судя по одному мѣсту въ дневникѣ Погодина въ такихъ наущеніяхъ можно заподозрить и представителей такъ называемой официальной

1) „Русская Старина“ 1896 г., декабрь, с. 631.

народности. Но гораздо вѣрнѣе искать объясненія этимъ обвиненіямъ въ увлекающей натурѣ поэта, доживавшаго свои послѣдніе дни. Можетъ быть, грома западниковъ, Языковъ думалъ, что приносить пользу Россіи, которую онъ такъ страстно, хотя и по-славянофильски, любилъ, и о служеніи которой постоянно, хотя и безрезультатно, мечталъ.

Какъ бы то ни было, приведенныя выходки Языкова противъ „нехристи нѣмецкой“ и противъ русскихъ западниковъ очень характерны для бывшаго дерптскаго студента, который когда-то пировалъ съ нѣмцами „шумно, пламенно и мило“. Но интересъ біографіи Языкова еще болѣе усилится, если мы примемъ во вниманіе, что славянофильскія симпатіи отчасти зародились, отчасти развились у Языкова еще въ Дерптѣ и даже нашли выраженіе въ его студенческихъ произведеніяхъ.

Языковъ явился въ Дерптъ, одушевленный самой глубокой и нѣжной любовью къ родинѣ, къ Россіи и ея прошлому. Въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ Дерптѣ, Языковъ выражаетъ обѣщаніе воспѣвать

Славянъ плѣнительные нравы,
Ихъ доблесть на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы,
И геній русской старины,
Торжественный и величавый.

Въ посланіи къ Очкину юный поэтъ говоритъ :

Клянусь, собравъ умомъ плоды образованья,
Я буду воспѣвать
Родимыя поля, простые нравы сель
И прадѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы.

Въ стихотвореніи „Чужбина“ Языковъ далъ даже такое обѣщаніе :

Не слетитъ со струнъ поэта
Голосъ родинѣ чужой.

Правда, онъ нарушилъ это обѣщаніе, какъ мы видѣли, и оставилъ нѣсколько произведеній, въ которыхъ изображается



настоящее и прошлое Прибалтийскаго края. Но гораздо больше Языковъ написалъ стихотвореній въ Дерптѣ на темы изъ русской исторіи. Въ годы студенчества имъ написаны пѣсни Баяна, пѣснь новгородцевъ, „Евпатій“, „Олеги“, „Кудесникъ“ и др. О своей горячей любви къ родинѣ и Россіи Языковъ заявляетъ въ цѣломъ рядѣ посланій и даже въ студенческихъ пѣсняхъ. Въ посланіи къ Вульффу, Тютчеву и Шепелеву, рассказавъ о своихъ приготовленіяхъ къ экзамену, поэтъ продолжаетъ :

Такъ мы готовимся, о други,
На достохвальныя заслуги
Великой родинѣ своей!
Намъ поле свѣтлое открыто
Для думъ и подвиговъ благихъ . . .
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но въ нихъ является вездѣ
Народъ и смѣлый, и могучій,
Неукротимый во враждѣ,
Въ любви и твердый и кипучій . . .
О, разучись моя рука
Владѣть струнами вдохновеній!
Не удостойся я вѣнка
Въ алмазномъ храмѣ пѣснопѣній!
Холодный вѣтеръ суеты
Надуи и мчи мои вѣтрила
Подъ океаномъ темноты
По ходу блѣднаго свѣтила,
Когда умалится во мнѣ
Сей неба даръ благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь къ родимой сторонѣ!

Извѣстная студенческая пѣсня „Изъ страны, страны далекой“ оканчивается такимъ пожеланіемъ по адресу Россіи:



„Будь она первымъ царствомъ въ поднебесной, и счастлива, и славна!“ Еще въ Дерптѣ также относился Языковъ съ особеннымъ обожаніемъ къ первопрестольной нашей столицѣ, этому излюбленному городу русскихъ славянофиловъ. Въ посланіи Шепелеву онъ посылаетъ на родину два поклона: второй поклонъ — Воейковой, а первый

Москвѣ перводержавной:
Она поэзіи мила:
Въ ней слава Руси благонравной
И прозябала и цвѣла.

Та ненависть „къ нехристи нѣмецкой“, которой пропитаны позднѣйшія стихотворенія Языкова, также зародилась еще въ Дерптѣ, хотя вполне развилась впоследствии. Воспѣвая Дерптъ, какъ свою „любимую страну“, гдѣ онъ впервые

Узналъ восторги удалые
И музъ, и пѣсень, и вина,

прославляя академическую свободу „Ливонскихъ Аонинъ“, Языковъ, несмотря на доброжелательныя отношенія къ нему нѣмецкихъ студентовъ, профессоровъ и литераторовъ, самъ далеко не симпатизировалъ нѣмцамъ и ихъ узкому практицизму, который менѣе всего могъ нравиться широкой русской натурѣ нашего поэта. Языковъ, по собственному его заявленію, „любилъ нѣмецкія науки“, но „нѣмцевъ вовсе не любилъ“. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ называлъ Дерптъ „городомъ профессоровъ и скуки“, городомъ, „гдѣ рѣдки русскіе умы, гдѣ рѣдки искры вдохновенья“, гдѣ „жизнь идетъ, а не летитъ.“ Ему не нравилась страна, гдѣ

. Нравственно добра,
Всею покорна, всѣмъ довольна,
Живетъ, мила и безкрамольна,
И процвѣтаетъ нѣмчура.



Уже въ Дерптѣ Языковъ сознавалъ также коренное различіе славянскаго и германскаго характера. Въ посланіи къ Татаринovu онъ говоритъ :

Славянъ могущественныхъ внукъ,
Нѣмецкой вольности въ оковы
Ты не отдашь свободныхъ рукъ.
Не нашъ удѣлъ ея порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнію мы живы,
Мы славой славимся иной;
Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
Не вѣрь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по-своему!

Въ своихъ письмахъ изъ Дерпта Языковъ является однимъ изъ первыхъ апостоловъ обрусенія Прибалтійскаго края, при чемъ вслѣдствіе широты своей поэтической натуры стоитъ за самыя рѣшительныя мѣры. „Онъ возмущается, — говоритъ г. Шенрокъ, — тѣмъ, что въ Дерптѣ очень холодно относятся къ Россіи и ко всему русскому. Николаю Михайловичу казалось, напротивъ, необходимымъ хотя насильственными мѣрами противодействовать этому, какъ думалось ему, пагубному для Россіи отчужденію: онъ со своей стороны находилъ желательнымъ какъ можно болѣе широкое и возможно скорѣйшее распространеніе въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка и русскихъ обычаевъ . . . „Если бы я былъ императоръ російскій, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — я бы заставилъ ихъ пить квасъ, и ѣсть русскіе блины, и ходить въ русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусѣютъ и да принадлежать вовсе къ огромному государственному тѣлу Россіи“. 1)

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь, с. 161.



Наконецъ, еще въ Дерптѣ мы встрѣчаемъ у Языкова зародыши его будущей антипатіи къ русскимъ западникамъ. Въ посланіи Степанову, уѣзжавшему за границу, Языковъ выражаетъ желаніе, чтобы его другъ „не окрестился въ нѣмчуру“ въ той странѣ,

. откуда съ давнихъ поръ
Надеждъ питомцы дорогіе,
Россіи книжники младае,
Вывозятъ ей лишь тлѣнь и вздоръ,
Туманъ шального мудрованья,
Глухую спѣсь, не милость къ намъ
И знаменитыя прозванья
Своихъ учителей

Не трудно усмотрѣть въ знаменитомъ посланіи „Къ нашимъ“ дальнѣйшее развитіе только что приведенной мысли, высказанной въ 1828 году.

Такимъ образомъ, Дерптскому университету, этому общепризнанному очагу германизации Прибалтійскаго края и разсаднику докторовъ-нѣмцевъ для всей почти Россіи, суждено было сдѣлаться и умственной колыбелью одного изъ представителей славянофильства, т. е. того направленія русской общественной мысли, которое такъ много сдѣлало для объединенія Ливоніи съ остальной Россіей.

